

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский

Всем ученым и образованным людям ведомо, что словесность, то есть литература, должна иметь целию – поучать, услаждая{1}. Покойный Мерзляков, великий знаток и учитель по части изящного, даже перевел (и прекрасно), кажется, из Тасса, чудесные стихи на этот счет;
Так врач болящего младенца ко устам
Несет фиал, сладьми упитан по краям:
Счастливец оболыщен, пьет горькое целенье,
Обман ему дал жизнь, обман ему спасенье!{2}
Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль – дело хорошее, спору нет, но и скучное, горькое – против чего опять никто спорить не будет; следовательно, надо же ее подслащать, рассычать, чтоб она достигала своей цели, то есть исправляла нравы, делала дурака умным, пьяницу трезвым, взяточника и. казнокрада – бескорыстным, бездарного писаку отучала от пера, ябедника и клеветника от ложных доносов...
Далее, всей просвещенной Европе известно, что «идеал есть не что иное, как собрание в одну фигуру разных черт, разбросанных в природе и действительности, – а отнюдь не сама действительность в возможности. Творчества тут не нужно: хотите изобразить красавицу – приглядывайтесь ко всем красавицам, которых имеете случай видеть; у одной срисуйте нос, у другой глаза, у третьей губы и т. д. – таким образом вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить. Я нахожу оба эти определения – «литературы» и «идеала» – чрезвычайно основательными и верю им безусловно. Особенно хороши они тем, что, во-первых, избавляют автора от необходимости иметь талант и фантазию, а во-вторых, уничтожают возможность писать такие изображения, в которых всякий, кто б ни был, мог узнать себя и вследствие этого жаловаться на личности...

Само собою разумеется, что этот взгляд на «литературу» и «идеалы» особенно удобен для «типов» вроде тех, которые теперь известны под именем «Наших»{3}. Гоголь сказал великую правду, что «у нас если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет»[1]{4}. Поэтому я нахожу гораздо приличнее и удобнее изображать такие типы, которых совсем нет в действительности, но которые были бы очень смешны: чрез это автор достигнет двух целей разом – доставит удовольствие своим читателям и никого не обидит.

Вот причины, которые заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сделать очерк одного из таких педантов, которых нет и быть не может, но которые могут существовать в праздном воображении человека, подобно мне имеющего свободное время для бумагомарания. Если мой педант не рассмешит вас и не доставит вам удовольствия – это обнаружит только мое неуменье и мою бесталантность. Я нарочно взял предмет для типа из такой сферы, которая у нас не представляет собою ни сословия, ни касты. Все эти мои оговорки проистекают из рокового предчувствия, что мой тип, вместо улыбки, возбудит в вас зевоту, вместо того чтоб рассмешить, усыпит вас; ибо – признаюсь вам – я не слишком-то полагаюсь на свой талант по части типов... «Так зачем же беретесь?» – скажете вы. Во-первых, хочется попробовать – «авось-либо» – великое слово для русского человека, который многое делает на «авось»; потом, неотвязчивые просьбы приятелей: «Вы-де знаете педантов и можете их изобразить; теперь-де типы в моде, наши в ходу; да кто вам сказал, что вы не можете? вы человек с дарованием»... Что будешь делать! Вы не знаете, что это за народ – мои приятели! Как пристанут – непременно уговорят; станут вам доказывать, что вы человек с дарованием, – право, сочините роман, хотя бы всю жизнь занимались математикою или сельским хозяйством... Ну, что ни будет – начинаю и, для успокоения крепко бьющегося сердца, прошу вас еще заметить, что это не тип собственно, а скорее очерк или проект для типа...

Не воображайте себе моего педанта человеком старым, седым, беззубым, добрым и глупым, обожателем Хераскова, поклонником Сумарокова, последователем философии Баумейстера, пиитики Аполлоса и реторики г. Толмачева:{5} то педант доброго старого времени, педант-покойник, – мир праху его! Нет, я хочу вырезать вам силуэт педанта новейших времен, педанта-романтика, который так молод, что еще и не родился на свет; так вам знаком, что вы не поверите мне, чтоб его можно было найти и на луне, не только на земле. Но если уж болтать, то надо болтать

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
обстоятельно, делая вид, что говоришь правду: в этом-то и все смешное моего типа... Мой педант – сын бедных, но благородных родителей. Не претендуя на богатство, он претендует на знатность рода{6}. Зовут моего педанта: Лиодор Ипполитович Картофелин{7}. Росту он весьма небольшого; в молодости был сухощав и щеделушен, а теперь довольно осанист и имеет брюшко, несколько четверугольное и похожее на фолиант. Если б не досада на успехи других и на свои собственные неудачи уверить свет в своей гениальности, мой педант был бы так толст, что, при малости роста, походил бы на огромное in quarto[2]. Глаза у него серые, а волосы средние между русыми и рыжеватыми; на правой щеке бородавка с довольно длинною косичкою. Не помню, когда он родился; знаю, что в двадцатых годах текущего столетия, когда все журналы наши превратились в толки о классицизме и романтизме, Картофелин воспитывался в единственном пансионе губернского города{8}, в котором родился. Пансион содержался обрусевшим немцем – назовем его хоть Гофратом (я слышал, что все немцы – гофраты). Картофелин обнаруживал блестящие способности и был первым учеником по всем предметам, особенно по части российской словесности. Прилежание его было примерно; поведение соответствовало прилежанию. На торжественных актах он всегда говорил перед публикою речи и стихи{9}, в низших классах – сочинения своих учителей, а в высших – собственного изделия. Он первый подбил товарищей издавать журнал, разумеется, писанный, и каждую неделю по рукам мальчиков ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, под названием «Северная флора», № такой-то. Тетрадка почти вся состояла из сочинений Картофелина, или Безбрежина, как он называл себя на романтическом языке: тут были стихи, повести, критика и смесь{10}. Стихи и критика всегда были сочинения Лиодора Безбрежина: он объявил себя монополистом этих двух отделений. Г-н Гофрат чуть не плакал от умиления при виде успехов и всеобъемлющей деятельности светила своего пансиона: после каждого нового романтического стихотворения он брал Картофелина за уши, слегка приподнимал и нежно целовал в голову. Все ученики смотрели на него, как на гения; а учитель словесности, учившийся некогда по Бургию{11} и, следовательно, классик поневоле, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелин, сей внук (увы, не последний!) Василия Кирилловича Тредиаковского{12}, приехал в одну из столиц наших, – положим, в Москву. Не помню, что он делал несколько лет; но вот он является учителем «русской словесности»... Да, я непременно хочу сделать моего педанта учителем словесности: знаменитый дед всех педантов, Василий Кириллович Тредиаковский, был «профессором элоквенции, а паче всего хитростей пиитических»: одной этой причины уже слишком достаточно, чтоб я сделал моего педанта учителем «русской словесности»; сверх того, я убежден от всей души, что никакое звание так не идет к педанту, как звание учителя «русской словесности». Да, эта «русская словесность» преимущественно сподручна для шарлатанов и педантов: в нее можно класть, что угодно, и оттуда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этим сказать, чтоб всякий учитель словесности был педант, – смешно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошие и достойные люди есть везде. Я хочу только сказать, что педант непременно должен быть учителем русской словесности.

Но мой педант не ограничился одним учительством: он, как и следовало ожидать, пустился в литературу. Все альманахи и журналы были наполнены его стихами{13}. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей, – но эти мысли отзвывались чем-то напряженным, изысканным и диким, так что снутри походили на совершенную бессмыслицу – не только бессмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно глубокими и возвышенными{14}. Хотя толпа более видит снаружи, чем снутри, однако она не читала стихов Картофелина и осталась при одном уважении к ним. В то время один ловкий промышленник основал журнал, который, по его плану, должен был отличаться добросовестностью, ученостию и бескорытием. Последняя статья касалась исключительно одних сотрудников; издатель же имел о ней свое понятие, которое не почитал нужным объяснять во всеуслышание{15}. Хитрый антрепренер тотчас смекнул, что за птица Картофелин. Он понял, что этот чернильный витязь готов трудиться до кровавого поту из одной «славы», из одного удовольствия каждый день пересчитывать, сколько новых строк прибавилось у него к числу уже написанных: чистое и благородное удовольствие всех педантов! О, педант похож в этом отношении на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитывает, сколько рублей и копеек прибыло у него с утра... Журналист не ошибся: Картофелин оказался для него золотым человеком: он взвалил на себя всю работу, а разживу предоставил хозяину, который, впрочем, почел нужным, из приличия, уверить его, что небольшие выгоды от журнала он употребляет на издание полезных книг и вспомоществование бедным людям{16}, а сам питается бескорыстною любовью к науке и высокими мыслями. Добродушный педант поверил: он был столько же бескорыстен, честен и доверчив,

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
сколькo и опрометчив... И это нисколько не удивительно: ограниченность так часто соединяется с добродушною честностью – по крайней мере до тех пор, пока не раздражат, умышленно или неумышленно, ее мелкого самолюбия...

Но вот что многим может показаться невероятным: прозаическими статьями своими Картофелин обратил на себя общее внимание, как человек со вкусом, умом и дарованием{17}, – и я должен сознаться, что такое мнение о Картофелине было только преувеличено, но в основании не совсем несправедливо. Мой педант – изволите видеть – действительно не без ума и не без способностей; он только ограничен, но не глуп, только мелочно самолюбив, но не бездарен; последние достоинства он, в качестве педанта, должен приобрести впоследствии, когда мелкое самолюбие его, в союзе с летами, задавит в нем то немногое, что дала ему природа. Притом же обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже гением – по крайней мере в кругу своих приятелей и товарищей по пансиону – сотрудников рукописной «Северной флоры»: педанты прежних времен тащились по избитой колее Баттё и Лагарпов, а мой Картофелин принялся за немецину. Малой он был работающий, прилежный; память у него была здоровая; немецкому языку он был выучен еще в детстве. Я уверен, что по инстинкту он выбрал бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гете и Шиллера тогда была уже во всем своем колоссальном величии, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми: – так ему, знаете, при готовых понятиях, чужим умом и при фразистом языке нетрудно было показаться не тем, что он есть...{18} Притом же в молодости всякий человек живет, а следовательно, и умнее, чем в старости, и по инстинкту отстаивает новое против старого... Впрочем, и тогда уже многие замечали в слогe Картофелина что-то пухлое, дряблoе, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковым корнем и сытою... И эти люди не ошиблись, как увидим ниже.

Вот поехал мой педант за границу – вы думаете, в Германию? – Я сам то же думал сперва, но моя фантазия велит мне послать его в страну филологов и комментаторов, где на каждый стих великого поэта написано по сту тысяч томов объяснений и примечаний. Не знаю, что он там делал целые семь лет, но знаю, что присылал оттуда предикие стихотворения{19}.

Наконец, мой Картофелин возвращается в любезное отечество... Боже мой, как он переменялся!{20} Поехал молодым литератором, которого настоящую цену немногие понимали, а воротился педантом, которого значение уже всем ясно... Семена принесли плоды, и натура сказалась... Начнем с того, что он приехал с брюшком – доказательство, что он страдал о судьбе человечества в своих стихонках... Натянутая важность лица, при смешной фигуре и круглом брюшке, сделала его похожим на лягушку, которая, в басне Езопа, хочет раздуться в вола{21}. Самолюбие его действительно раздулось, как прыщ: страшно и гадко прикоснуться к нему. Общество педант стал принимать за свое училище, салон за аудиторию, светских людей – за школьников: говорит все свысока, словно лекцию читает, и если кто не слушает его с благоговением, на тех смотрит он презрительно, и если кто заговорит, хотя бы на противоположном конце залы, он посмотрит на того, как Юпитер олимпийский, – с гневом и помаванием бровей... Любимый рассказ его – о том, как он ходил в Париже на поклонение к великому романисту{22}. В Германии педант был проездом; она ему не понравилась. «Немцы, – говорил он, – раздружились в своей отвлеченности с жизнью; они презирают величайшую из наук – филологию; они предпочитают ей философию, это буйное обожествление разума... Я был, в Берлине, – и мой бедный череп трещал от мудреных вещей, которые слышал я в тамошнем университете... Немцы забыли великого Бахмана и предпочитают ему сухого, отвлеченного, схоластического Гегеля, этого Андрамелеха новейшей философии»...{23} Педант мой говорит голосом важным, протяжным и тихим, несколько переходящим в фистулу, как будто от изнурительной полноты ощущений в пустой груди, как будто бы от изнеможения вследствие частой декламации ex-officio[3]. В школу он приносит с собою графин сахарной воды, которою запивает почти каждую свою фразу... И вот, в порыве моего типического вдохновения, мне кажется, что я вижу его на учительском стуле, восседающего с приличною важностью, слышу его чохоточный голос, беспрестанно прерывающийся от полноты педантического самодовольствия и хлебков сахарной воды: «Милостивые государи! я был там и там, а вы не были; но это ничего: после того, что я расскажу вам о тех странах, – вам покажется, что вы сами там были... Немцы вздумали мирить философию с жизнью – они воображают, что можно эту цветущую жизнь сделать содержанием бездушных логических формул... Немцы не любят буквы... а я, господа, я – признаюсь – люблю букву... Вот я было вздумал прочесть эстетику Гегеля, но принужден был бросить ее под стол: помилуйте, господа, ведь книги пишутся для удовольствия, а не для ломания головы...»{24}

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Литературы педант, конечно, не оставил; но его деятельность уже изменилась: о немцах и немецком он уже – ни слова... Слог его стал дик до последней степени. Желая поднять до седьмого неба повести своего приятеля, он говорит, что его приятель выдвинул все ящики в многосложном бюро человеческого сердца... Начиная восхищаться родиной, он делает вопросы, вроде следующих: что, если бы наша Волга, забрав с собою Оку и Каму да соединившись с Леною, Енисеем, Обью и Днепром, взлезла на Альпы, да оттуда – у-у-у-у-у! на все концы Европы; куда бы девались все эти французиски, немчура?.. {25} Не правда ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говорит: «А что, тятя, коли б наш чалый мерин-то сделался бурюю коровою, – ведь мама молочка еще бы дала мне?»... Вы смеетесь, читатели? моя выходка вам кажется фарсом, плоскою шуткою? Смейтесь, а я стою на том, что педант еще и не то в состоянии написать. Ведь я вас предупредил, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазии, а не списываю рабски с действительности: так не мешайте же мне выдумывать. Итак, я уверен, что мой педант слова не скажет в простоте – все с ужимкой: например, вместо того, чтоб сказать, что Петербург построен на ровном месте, он скажет, что ровная гладь подкатилась под огромные дома града Петрова... и пр. и пр. {26}.

Воротившись из-за границы, мой педант переменялся и в другом отношении: бывало, он вздыхал в стихонках о луне и деде, горевал о какой-то разрозненной с ним волне; а теперь очень прозаически, но зато выгодно и тепло пристроился и зажил филистером. Уж не знаю, от этого ли, или от долговременного пребывания за границую, только мой педант, воротившись, сделался ужасным витязем желтых перчаток и прекрасного пола: в каждой статье своей он твердил по сту раз, что он даже дома ходит в желтых перчатках; при выходе всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, он, бывало, так и кричит: place aux dames [4] {27}. С особенною ревностью писал он статьи о балах и маскарадах; в этих статьях видно было утомление от танцев, ибо за каждую фразу следовало по крайней мере три точки... {28} Это так понравилось педанту, что он без точек после каждой своей фразы уж ничего не мог писать.

Много прошло времени, многое изменилось с тех пор, а мой педант не должен изменяться: любовь его к букве должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращение ко всему живому и разумному – также. Слова «идея» он не должен слышать без ужаса и без точек... По моему мнению, он даже должен сделаться лицемерным моралистом и ханжою, потому что, всегда думая давать тон и направление времени, он всегда был и всегда должен быть рабом времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, более его сметливыми людьми. Итак, мой педант принимает под свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное и наповал бранит все, в чем есть жизнь, душа, талант... Он беспристрастен и, зажмурив глаза, колотит направо и налево, и чужих и своих, если последние, будучи ему чужими по таланту, бывают своими по отношениям... Да, он верен своему правилу...

Несмотря на то, что мой педант должен быть от природы довольно добрым и честным человеком, – нет существа более его способного быть злым и низким. Дело в том, что он не что иное, как раздутое самолюбие: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами, – он добр, весел, любезен по-своему, он готов сделать вам все хорошее, что только в его возможности; но беда ваша, если вы не сумеете или не захотите скрыть от него, что вы и умнее и талантливее его, что у него самолюбие съело небольшую долю ума, вкуса и способности, данных ему природою... О, тогда он готов на все злое и глупое – берегитесь его!.. Рецензия его тогда превращается в площадную брань, критика становится похожа на позыв к ответу за делание фальшивой монеты... Тогда вы у него – кондотьери, бандит!.. {29} Да, педант все простит вам, кроме невыносимой для него обиды – быть умнее и талантливее его... Но во всяком случае, это существо более смешное и забавное, чем опасное: ибо против его «позывов» есть правосудие, а против тупых зубов его есть литературные дантисты, которые шутя выдергивают их...

И, несмотря на все это, еще многое бы можно было порассказать о педанте; но не все же вдруг, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. Притом же я еще не знаю, понравится ли вам, читатели, и то, что я написал. Если же понравится, то ждите от меня тип литературного циника: это человек, который, век свой живя в бочке, нажил себе дома и деревни; человек, который, век свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, старого железа и кирпича, успел уверить всех, что он – и ученый и литератор; человек, который, век свой будучи спекулянтom, уверил всех, что он – идеал честности, бескорыстия и добросовестности; человек, который сам ничего не сделал, кроме неопрятных

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru изданий, дурных переводов, а всем твердит с циническою короткостью: «надо делать, надо удовлетворять текущей потребности»; человек, который если и издал несколько плохих книг, то чужими руками состряпанных, а прославился деятельным; человек, которых! одолжит вас при нужде безделкою да заставит вас перевести книгу, выгоду от которой честно разделит с вами так: вам словесную благодарность, а себе деньги...{30} Да, мало ли еще можно написать таких типов? А газетеры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие «исты»?.. Вот где заключаются неисчерпаемые сокровища для «Наших»...

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГПБ – Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПР – позднейшая редакция III и IV статей о народной поэзии.

ПССБ – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962–1965.

ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.

Педант. Литературный тип

Впервые – «Отечественные записки», 1842, т. XXI, № 3, отд. VII «Смесь», с. 39–45 (ц. р. 28 февраля; вып. в свет 1 марта). Подпись: Петр Бульдогов. Вошло в КССБ, ч. VI, с. 485–496.

Статья значительно искажена цензурой. В «Журнале» заседаний С. – Петербургского цензурного комитета от 24 февраля 1842 г. записано: «Комитет разрешил напечатать статью, исключив все намеки на Италию и стихи «Рим», потому что они могут подать повод от общей характеристики педанта сделать применение к какому-либо известному в нашей литературе лицу» (ЦГИА, ф. 777, он. 27, 1842 г., № 35, л. 15). В свою очередь Белинский писал Боткину 14 марта 1842 г.: «А статейка была недурна, да цензурный комитет выкинул все об Италии и стихи Полевого – злую пародию на стихи Шевырки». И в письме от 31 марта 1842 г. к тому же адресату: «Неприменно пришлю тебе список моего «Педанта», дабы ты видел, что он действительно недурно написан, если его читать без цензурных поправок». Была ли послана рукопись статьи Боткину и какова ее дальнейшая судьба, неизвестно.

Памфлет направлен против С. П. Шевырева, поэта, критика и теоретика литературы. С самого начала 40-х гг. Шевырев становится идеологом «официальной народности», воинствующим противником любой сколько-нибудь демократической тенденции в литературно общественной жизни, раболепным прислужником столпов николаевского режима. «Педант» увековечил презрительную характеристику Шевырева в потомстве; при этом весь его жизненный путь представлен Белинским как последовательное становление этого «литературного типа».

Однако действительно одиозная деятельность Шевырева, развернувшаяся в указанные годы, заслонила от критика ранний период его творчества, который требует к себе более объективного отношения. Будущий «кликуча Шевырев» в 1820–1830-е гг. был «писателем с истинным талантом, критиком, заслужившим доверенность просвещенных читателей» (Пушкин, т. VII, с. 471). Этот отзыв не противоречит всем остальным суждениям Пушкина, который, несмотря на многие их разногласия, неизменно подчеркивал обширность познаний Шевырева, являвшегося к тому же автором «Мысли» – «одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности» (там же, т. X, с. 247).

Из творческого наследия Шевырева 20–30-х гг. историко-литературное значение сохранили не только поэтические опыты (см. примеч. 14), но и некоторые полемические выступления против Ф. В. Булгарина и «Северной пчелы»: именно в его статье «Обозрение русской словесности за 1827 год» («Московский вестник», 1828, № 1) был дан первый бой «нравственно-сатирическому направлению». В указанной статье Шевырева критика литературной «безжизненности» писаний Булгарина сочеталась – как это ни парадоксально звучит сейчас – с осуждением сугубо казенной ориентации «Северной пчелы» (см.: Ю. В. Манн. Молодой Шевырев. – В его кн.: «Русская философская эстетика». 1820–1830-е годы. М., «Искусство», 1969, с. 151–153). Были у Шевырева – критика и теоретика и определенные методологические заслуги. Например, внесение в русское литературоведение «методы исторической»: Пушкин, рецензируя его «Историю поэзии» (1835), писал, что автор не следует «ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии немцев. Он избирает способ изложения исторический – и поделом...» (Пушкин, т. VII, с. 398; см. также: «Возникновение русской науки о литературе». М., «Наука», 1975, с. 298–303). Наконец, изучение древнерусской литературы в качестве профессора Московского университета (с 1834 г.) привело Шевырева к тому, что «он фактически открыл новую научную дисциплину – заслуга, которая не может быть оспорена у него при всей тенденциозности или ошибочности конкретных интерпретаций...» («Возникновение русской науки о литературе», с. 325).

Мировоззрение Шевырева 20–30-х гг. складывалось под воздействием разнородных влияний и отражало иллюзии русского либерализма последекабрьской эпохи, надеявшегося на мирное реформаторство в конституционном духе (эволюция взглядов Шевырева в эти годы частично прослежена в работе: М. Аронсон. «Конрад Валленрод» и «Полтава». К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20–30-х годов. – В кн.: «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», т. 2. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 43–56).

В середине 30-х годов Шевырев активно борется с «торговым направлением» в русской литературе на страницах «Московского наблюдателя» (об этом см.: Н. И. Мордовченко. Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. – В кн.: «Гоголь. Материалы и исследования», т. П. Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 106–150). В это время (в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»») Белинский объявляет Шевыреву «войну» и начинает последовательно нападать на все его сколько-нибудь серьезные выступления (канва взаимоотношений Белинского и Шевырева прослежена в работе: А. Г. Дементьев. Борьба Шевырева с Белинским по вопросам истории русской литературы. – В кн.: «Ученые записки ЛГУ», серия филолог, наук, вып. 4. Л., 1939, с. 159–197; здесь собран большой эпистолярный материал). Полемика Белинского принимала более резкие формы по мере выхода первых книжек «Москвитянина» (1841), в котором Шевырев открыто прокламировал доктрину «официальной народности» и враждебность к западной (особенно гегелевской) философии. Непосредственным поводом к написанию «Педанта» явилась статья Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная» («Москвитянин», 1842, № 1, с. I–XXXII), содержащая столь незамаскированные выпады против «журнальных кондотьери» (см. примеч. 29), что редакция «Отечественных записок» сочла эту акцию «Москвитянина» прямым доносом в III Отделение (см. письмо Шевырева к М. П. Погодину, передающее мнение В. Ф. Одоевского. – Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VI. СПб., 1892,

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru с. 263). 14 марта 1842 г. Белинский сообщил В. П. Боткину: «Идея «Педанта» мгновенно блеснула у меня в голове еще в Москве, в доме М. С. Щепкина, когда Кетчер прочел там вслух статью Шевырки. Еще не зная, как и что отвечу я, – я по впечатлению, произведенному на меня доносом Шевырки, тотчас же понял, что напишу что-то хорошее...»

Разумеется, даже неискушенные читатели не сомневались, в кого был нацелен памфлет. «Педант» вызвал горячее одобрение единомышленников Белинского. Оскорбленный Шевырев публично спросил своего коллегу по университету, Т. Н. Грановского, может ли тот теперь подать руку Белинскому. «Как! подать руку? – отвечал Грановский, вспыхнув. – На площади обниму» (Анненков, с. 225–226). Противники Белинского были возмущены; 14 марта 1842 г. В. П. Боткин писал Белинскому: «Удар произвел действие, превзошедшее ожидания: у Шевырева вытянулось лицо, и он не показывался эту неделю в обществах. В синклите Хомякова, Киреевских если заводят об этом речь, то с пеною у рта и ругательствами... Ужасно вопиет Киреевский: ругает Белинского словами, приводящими в трепет всякого православного» («Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 г.», спб., 1893, с. 43–45).

13 марта 1842 г. А. Д. Галахов писал А. А. Краевскому о том, что окружение Шевырева сильно раздражено и собирается жаловаться на Белинского А. Х. Бенкендорфу и что это находит поддержку у московского генерал-губернатора Д. В. Голицына (см.: «Венок Белинскому». М., 1924, с. 143; то же сообщил А. Д. Галахов А. И. Иванову для передачи Краевскому – см: ЛН, т. 56, с. 165).

Псевдоним – Бульдогов – образован от прозвища, которое было дано критику Булгариным. Увидев впервые Белинского, Булгарин, по словам Панаева, спросил: «Так это бульдог–то, которого выписали из Москвы, чтобы травить нас?..» (Панаев, с. 293; ср. письмо Белинского Боткину от 22 ноября 1839 г.).

Сноски

1

«Современник» 1836 года, т. III, стр. 60.

2

книга в четвертую долю листа (лат.). – Ред.

3

по служебной обязанности (лат.). – Ред.

4

место дамам! (франц.). – Ред.

Комментарии

1

Перефразированная сентенция Булгарина: «поучать – забавляя», которой – в предисловии к роману «Мазепа» (1834) – определялась задача писателя. Это высказывание представляет приспособленный для нужд «нравственно-сатирического» направления канон поэтики классицизма (см.: «Наука поэзии» – Гораций. Полн. собр. соч. М., «Academia», 1936, с. 350).

2

В отдельном издании «Освобожденного Иерусалима» в переводе А. Ф. Мерзлякова (1828) соответствующие строки читаются иначе:

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Так врач болящего младенца пред устами
Склоняет, по краям налитанный сладостями,
Фиал, где горький сок; обманутый пиет,
И жизнь ему обман невинный сей дает!

3

Имеется в виду альманах А. П. Башуцкого «Наши, списанные с природы русскими» (1841–1842), пять первых выпусков которого критик отрецензировал в предыдущем номере «Отечественных записок» (см.: наст. т., с. 501–503; см. также преамбулу к этой рецензии). Подзаголовок «Педанта» указывает на то, что Белинский, предлагавший редактору альманаха изображать литературные типы, сам реализовал это пожелание.

4

Цитата из повести Н. В. Гоголя «Нос» (1836).

5

Философия Ф.-Х. Баумейстера, «Правила пиитические...» А. Д. Байбакова (Аполлоса), «Правила словесности...» Я. В. Толмачева в 40-е гг. XIX в. воспринимались как явный анахронизм.

6

Боярская фамилия Шевыревых была известна уже в XVI в. В связи с этим А. И. Герцен в «Былом и думах» иронически писал об увлечении Шевырева «своим предком, который середь пыток и мучений, во времена Ивана Грозного, пел псалмы и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика» (Герцен, т. IX, с. 164).

7

Фамилией Картофелин была подписана пародия Н. А. Полевого «Рим» («Московский телеграф», 1832, № 7, «Камер-обскура», с. 129–130) на стихотворение Шевырева «Стансы Риму» («Телескоп», 1831, ч. 2, с. 179–180). Как следует из письма Белинского Боткину от 14 марта 1842 г., эта пародия цитировалась в данной статье, но была исключена цензурой.

Как тень седого великана,
В могильном саване, как дым
Под ледяной корою волкана,
Так ты, великий, дивный Рим,
Времен минувших оклик дикий,
Костями бессмертных помощен,
Как твой пустынный Пантеон,
Стоишь в развалинах великий!
Не говори, не повторяй
Твоих советов и преданий,
Не возбуждай воспоминаний,
Души поэта не смущай!
Пускай бессмертного могила
Не произносит мелких слов,
Пока тебе язык богов,
Моей угрюмой Музы сила,
Упрямых, северных стихов
В завет потомку не дарила!
Молчи, красноречивый Рим...

Твои развалины святые,
Твои остатки гробовые
Я оживлю моим стихом!
Как бы на Пифии треножник,
С поникшим сяду я челом

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

На те места, где Скиф-безбожник

С огнем являлся и с мечом:

Стадами думы зароятся

В душе поэта: смело он

Глядит на мир, когда теснятся

К нему стихи со всех сторон!

Он обнят выпревшим пожаром,

Он презирает вкус и ум.

Воспламененный чудным даром,

Он дик, он смел, как бури шум!

Себе единому понятен,

Для черни смысл он потерял

И черни глас ему невнятен,

И ей не знать, что он писал.

О пародии Полевого см. комментарии С. А. Рейсера в кн.: «Мнимая поэзия.

Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв.». М., «Academia», 1931, с. 429.

8

Шевырев воспитывался в Московском университетском благородном пансионе (1818–1823 гг.). Слова об «обрусевшем немце», содержателе пансиона, возможно, содержат намек на ориентацию руководителей этого учебного заведения в духе немецкой идеалистической философии. Шевырев вспоминал о «периоде влияния немецкой философии, всего более Шеллинга, которого учение вводили профессора Павлов и Давыдов» (Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион... М., 1858, Приложение, с. 75).

9

Об ученических успехах Шевырева свидетельствует тот факт, что его речь на выпускном акте была опубликована в «Вестнике Европы» (1823, № 8, с. 245–263).

10

Имеется в виду участие Шевырева в альманахе «Каллиопа. Труды благородных воспитанников университетского пансиона», издаваемом под редакцией И. И. Давыдова. Но Шевырев не мог быть инициатором этого издания, так как первый номер «Каллиопы» вышел в 1815 г., то есть за три года до его поступления в пансион. Участие Шевырева в альманахе выразилось в публикации стихотворения «К друзьям» («Каллиопа», ч. 1. М., 1820, с. 231–236).

11

Курс красноречия и поэзии в период обучения Шевырева вели А. Ф. Мерзляков, приверженец классицизма, и И. И. Давыдов, отличавшийся эклектизмом своих литературных и философских воззрений (резко отрицательное отношение к нему у критика сложилось еще в 30-е гг.).

12

Недооценка В. К. Тредиаковского была свойственна почти всем современникам критика.

13

По выходе из пансиона (до основания «Московского вестника») Шевырев печатался сравнительно мало; его стихи публиковались в альманахах «Урания» и «Северные цветы», в журнале «Вестник Европы» и в «Трудах общества любителей российской словесности».

14

В 20–30-е гг. Шевырев выступил поборником такой поэзии, которая, отвергнув «рифменный перезвон» и живописную пластичность, устремилась бы к идейной насыщенности. Обращаясь к Пушкину, он восклицал:

Вменяешь в грех ты мне мой темный стих,
Прозрачных мне не надобно твоих...

С необходимостью привнесения в поэзию философского содержания Шевырев связывал и ее языковое обновление, вернее, ее возвращение к архаичной лексике и синтаксису. О месте поэтических опытов Шевырева в истории русской литературы см.: М. Аронсон. Поэзия С. П. Шевырева. – В кн.: С. П. Шевырев. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1939, с. V–XXXII; Е. А. Маймин. Стихотворение С. П. Шевырева «Послание к А. С. Пушкину». – В сб.: «Проблемы пушкиноведения». Л., 1975, с. 159–168.

15

Имеется в виду основание журнала «Московский вестник» (1827–1830 гг.), издателем которого был М. П. Погодин. Шевырев был среди «главных сотрудников». Осенью 1827 г. Погодин отказал Шевыреву в соредакторстве, на чем настаивали остальные сотрудники журнала (в частности, В. Ф. Одоевский и В. П. Титов); между ними стали происходить размолвки (см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II. СПб., 1889, с. 130–134). Распространялись также слухи, что властолюбивый редактор «Московского вестника» бывал нечистоплотен в финансовых взаимоотношениях, однако достоверных сведений об этом нет.

16

М. П. Погодин действительно покровительствовал некоторым молодым и нуждающимся ученым; так, в 1829 г. он на свои средства издал исследование историка Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары», т. I. М., 1829.

17

О деятельности Шевырева – критика и теоретика в 20–30-е гг. см.: Ю. В. Манн. Русская философская эстетика. 1820–1830-е годы. М., «Искусство», 1969, с. 149–190.

18

Интерес к немецкому романтизму Шевырев вынес, вероятно, еще из стен пансиона (см. примеч. 10). В 1826 г. он вместе с В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым перевел трактат В.-Г. Ваккенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного». Позднее, на страницах «Московского вестника», помимо переводов немецких поэтов, он опубликовал «Разговор об истине и правдоподобию», и отрывок из «Вильгельма Мейстера» Гете; влияние этого писателя ощущается и в стихотворном диалоге Шевырева «Журналист и злой дух». Что касается шевыревского разбора «Междудействия к «Фаусту», то эта работа, ставшая известной Гете, удостоилась его одобрительного отзыва: «Разрешение проблем или, точнее сказать, узла проблем, предложенных в моей Елене, разрешение столь же удовлетворительное, пронизательное, сколько простосердечное – не могло не удивить меня...» («Московский вестник», 1828, № 11, с. 329).

19

Имеются в виду две заграничные поездки Шевырева (1829–1832, 1838–1840 гг.), во время которых он побывал в Италии («великий поэт» – Данте). Там он задумал реформировать русское стихотворение введением в него итальянской октавы (см. его трактат на эту тему: «Телескоп», 1831, ч. 3, с. 263–299; 466–497). В статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»» (1836; см.: наст. изд., т. 1) Белинский высказал свое резко негативное отношение к опытам Шевырева; однако в пушкинском кругу эти опыты вызвали большой интерес. А. В. Веневитинов

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru писал Шевыреву 14 августа 1831 г.: «...здешние литераторы много толкуют о твоих октавах. Весь же круг этих... в великом граде Царском селе состоит из Жуковского и Пушкина... Последний тебе много кланяется и благодарит за твое... к нему послание, на которое он тебе непременно будет отвечать... В рассуждении же октав он уверяет, что эта статья (имеется в виду трактат в «Телескопе». – Ред.) возбудила в нем тьму новых мыслей и желаний; но что, несмотря на то, он непременно войдет в некоторое состязание с тобою и тебе же самому предложит свои возражения» (цит. по: М. Ар он сон. Поэзия С. П. Шевырева, с. XXIX). По возвращении Шевырева из Италии его суждения о русском стихе были оспорены Пушкиным (см. письмо Шевырева к С. А. Соболевскому от 6 октября 1832 г. – ЛН, т. 16–18, с. 750), однако последний постоянно подчеркивал свое уважение к эрудиции пропагандиста русской октавы (отзывы Пушкина кратко суммированы в кн.: Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., «Наука», 1975, с. 469–471).

«Предикими» Белинский назвал переводы Шевырева из Т. Тассо, которыми тот сопровождал свой трактат «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение» (1831).

20

Идеологическая переориентация Шевырева началась действительно в Италии. В письме Погдину 1831 г. он писал: «Я вообще насчет всех мнений нахожусь в состоянии брожения: у меня все как-то перерождается и выходит новое, от своего, русского корня» (цит. по: М. Ар он сон. Поэзия С. П. Шевырева, с. IX).

21

В. П. Боткин писал Белинскому 23 марта 1842 г.: «На этой неделе видел 2 раза Шевырева в концертах. Святители! Как это заочно ты мог так разительно верно схватить всю его личность! «Натянутая важность лица, при смешной фигуре и брюшке» и проч. – живой Шевырка!»

22

Имеется в виду свидание с Бальзаком в Париже, описанное Шевыревым в «Парижских эскизах. Визит Бальзаку» («Москвитянин», 1841, № 2, с. 357–383).

23

Пародийный пересказ соответствующих мест статьи Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» («Москвитянин», 1841, № 1, с. 219–296). Шевырев пытался дискредитировать философию Гегеля, считая ее несовместимой с «христианской религией». Адрамелех (Андремелех) – бог, которому приносили жертвы жители ассирийского города Сепарваима (IV книга Царств, гл. 17, ст. 31).

24

Подразумевается комплиментарный оборот из рецензии Шевырева на «Три повести Н. Ф. Павлова» («Московский наблюдатель», 1835, ч. I, с. 122).

25

Пародийный пересказ положения из программного выступления Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы. Статья первая. Сторона черная»: «Разгульно текут многоводные наши реки; неволью подумаешь: что, если бы Волгу, Днепр да Урал скатить в три потока с Альпов на Италию, – куда бы делись от них итальянцы? разве спаслись бы на высотах Апеннинских» («Москвитянин», 1842, № 1, с. I).

26

Педант. Литературный тип. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
У Шевырева есть случаи употребления слова «Петроград» вместо общепринятого «Петербург». См., например, его стихотворение «Петроград» (1830), послужившее одним из источников пушкинского «Медного всадника» (см.: М. Аронсон. К истории «Медного всадника». – В кн.: «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», т. I. М.-Л., изд-во АН СССР, 1936, с. 221–226).

27

Намек на статью Шевырева «Библиографический перечень» «Наблюдателя» («Московский наблюдатель», 1836, ч. VI, с. 81). В этой статье автор писал об «особенном органе светского осязания», присущем женщинам, благодаря которому они могут успешно выступать в жанре светского романа (см.: там же, с. 84). Упоминание о пребывании «педанта» за границей в этом контексте, очевидно, намекает на то, что в 1829 г. он отправился в Италию в качестве домашнего учителя сына княгини З. А. Волконской.

28

В «Воспоминании о московских балах» («Московский наблюдатель», 1835, ч. I, с. 200–204; без подписи) Шевырев злоупотреблял многоточиями, что вообще характеризовало его стиль 30-х гг.

29

В статье «Взгляд на современное направление русской литературы...» Шевырев сравнивал некоторые столичные журналы (имея в виду прежде всего «Отечественные записки») с «феодальными замками итальянских кондотьеры» («Москвитянин», 1842, № 1, с. XXI). Термин «журнальный кондотьеры» Шевырев широко применял в характеристике некоего «рыцаря без имени», на котором «литая броня наглости» прикрывает «самое невинное невежество» (там же, с. XXVIII). Эта тирада направлена непосредственно против Белинского.

30 Литературный циник – М. П. Погодин (см. примеч. 15). В письме М. С. Щепкину от 14 апреля 1842 г. Белинский писал: «Эх, если б судьба да позволила напечатать «Циника-литератора»! Подай, боже!» Это намерение не осуществилось. В общей характеристике Погодина в данном абзаце критик оставляет в стороне позитивные стороны деятельности Погодина.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!